

УДК 342.731(47+57)Р «18-19»

Г. А. Жолобова

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВ ХРИСТИАН В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Словосочетание «религиозные чувства» в современном мире обрело весьма актуальное звучание. Эта, как оказалось, очень восприимчивая к внешним воздействиям сфера человеческого мироощущения сегодня подвергается серьезным испытаниям. При высокой степени субъективизма в определении самой категории «оскорбление чувств» особенно важно отличать реальное оскорбление чувств верующих от инсинуаций. Потому обращение к историческому опыту реагирования общества и государства на посягательства в адрес религиозных чувств представляется своевременным и значимым.

Российская империя, формируясь как многоконфессиональное государство, время от времени сталкивалась с проявлениями межрелигиозной розни. Религиозная же политика властей отличалась непоследовательностью: на смену веротерпимости периодически приходили крайние формы конфессиональной ортодоксальности. Обострение православного клерикализма произошло в царствование Александра III и Николая II – период сложных внутрисоциальных взаимоотношений, связанных с процессом всесторонней модернизации. Недовольство правительством и собой приводило общество к обостренному чувству религиозной принадлежности и идентичности в целом. Эти процессы не могли не сказаться на сфере частной предпринимательской деятельности и не найти отражение в ее правовом регулировании [1].

Цель данной работы – выявить особенности формирования механизма правового регулирования торговой деятельности на рубеже XIX–XX веков, призванного обеспечить защиту религиозных чувств христиан в Российской империи. Для этого необходимо было решить следующие научные задачи: выявить в огромном пласте имперского законодательства 1881–1913 гг., регламентирующего торговые отношения, нормативно-правовые акты, призванные обеспечить защиту религиозных чувств христиан; установить мотивы их принятия; проанализировать содержание этих актов; оценить адекватность правового регулирования стоявшим перед ним задачам, а также общественным интересам.

Так как заявленная проблема до сих пор не нашла должного освещения в научной литературе, в основу представленного исследования были положены первоисточники: документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Оренбургской области, а также нормативно-правовые акты Российской империи 1881–1913 гг., содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи» и в «Своде законов Российской империи».

На рубеже XIX–XX веков законодательство Российской империи запретило торговлю предметами чествования христиан представителям иных конфессий.

Вопрос этот был возбужден в 1878 г. Кишиневским Преосвященным по следующему поводу. Полицмейстер г. Аккермана Бессарабской губернии, уведомляя

Кишиневскую Духовную Консисторию, что по его распоряжению у евреев-стекольщиков на базаре отобрано около 70 икон, просил разрешить вопрос: имеют ли право евреи покупать у разносчиков иконы, оправлять их в рамы и продавать. Кишиневская Консистория нашла, что «продажа евреями вещей, хотя и не освященных, но составляющих предмет чествования и религиозного почитания для православного христианина, в особенности же при возможности небрежного с оными обращения со стороны евреев, производит неприятное и тяжелое впечатление на православно-го христианина, потому что для чувства его предметы религиозного поклонения сохраняют священное значение по самой своей форме, цели и символическому значению, а обряд освящения только вводит эти предметы в их действительное употребление» [2, л. 63 об. – 64]. Потому последовало представление Консистории Кишиневскому Преосвященному об изъятии предметов христианского почитания из числа вещей, право торговли которыми предоставлено и нехристианам.

Обер-Прокурор Святейшего Синода Действительный Тайный Советник Граф Толстой возбудил вопрос о принятии законодательным порядком постановления об ограничении прав «евреев и других нехристиан» на торговлю вещами, составляющими предметы поклонения и чествования христиан: иконами, крестиками и тому подобным. В конце 1880 г. в Святейший Синод поступило подобное же представление от Киевского Митрополита Филофея, в котором в самой категоричной форме, свойственной клерикализму, указывалось: «хотя в торговом уставе ничего не сказано относительно торговли евреями иконами и крестиками, так как трудно было предвидеть, чтобы евреи, по духу религии своей всегда с презрением и глумлением относящиеся к священным предметам христианской веры и считавшие осквернением прикосновение ко кресту, могли решиться торговать иконами и крестиками, но в виду закона, ограждающего веру христианскую от евреев ограничением их прав в отношении икон при получении наследства [15, ст. 1188–1189] и в отношении прислуги из христиан (Устав о предупреждении и пресечении преступности 1876 г. ст. ст. 91 и 92), в предупреждение глумления евреями над предметами священными для христиан и в предохранение чувства христианского от оскорбления и могущих последовать вредных от того последствий, необходимо воспретить евреям торговлю иконами и крестиками, особенно в г. Киеве, куда стекаются православные богомольцы со всех концов России с глубоким благоговением к его святыне и тут же с болью сердца видящие священные для них предметы в руках врагов Христа Спасителя, глумлящихся над ними» [2, л. 68–68 об.].

Министерство Внутренних Дел полностью поддержало ходатайство Святейшего Синода, указав среди прочего на то, что «На основании действующего у нас законодательства [15, ст. 1188–1189] нехристианам воспрещается владеть предметами благоговения Православной Церкви, даже в том случае, когда последние получены ими по наследству. Таким образом, неудобство нахождения вещей, составляющих предмет чествования и религиозного почитания для православного, в руках нехристиан признается самим законом» [2, л. 65–65 об.].

10 июля 1881 г. Департамент Торговли и Мануфактур Министерства Финансов направил Обер-Прокурору Святейшего Синода подписанный Министром Финансов Н.Х. Бунге отзыв № 5365 на запрос, полученный еще в 1878 г. Проект этого отзыва

был составлен по результатам предварительно проведенного с помощью местных Казенных Палат исследования по вопросам: 1) степени распространения торговли указанными выше предметами среди евреев и татар; 2) существования в связи с этим на практике «особых неудобств, преимущественно в отношении религиозных чувств народа»; 3) возможного затруднения в приобретении предметов чествования христиан воспрещением торговли ими нехристианам, особенно в тех местах, где по скученности татарского или еврейского населения, вообще вся торговля сосредотачивается в их руках; 4) наличия дел по фактам такой торговли и принятых по ним решений на местах [2, л. 6–7].

Результаты исследования выявили следующее. Татары совершенно не занимались торговлей священными для христиан предметами. Что же касается евреев, то даже в местах их преимущественного проживания такая торговля находилась в руках христиан. Если евреи и включались в нее, то в большинстве случаев это были держатели магазинов и мастерских золотых и серебряных изделий, которые имели в своем ассортименте и крестики. В тех местах, где все ремесленники состояли из евреев, запрещение им продавать крестики, по отзыву некоторых Казенных Палат, могло бы затруднить для христианского населения их приобретение. Особенно значительной производимая евреями торговля иконами, образками, крестиками и тому подобным была в г. Ченстохове Петроковской губернии, куда ежегодно стекалось до 300 тысяч богомольцев на поклонение чудотворной иконе Ченстоховской Божьей Матери. Но такой торговлей занимались значительные еврейские фирмы, получавшие товар из-за границы и сбывавшие его оптом местным и иногородним торговцам. Непосредственно богомольцам же в г. Ченстохове его продавали торговцы-католики.

И хотя из полученных Министерством Финансов от Казенных Палат сведений становилось очевидно, что производство евреями торговли священными для христиан предметами вызывалось особыми местными условиями, Министр Финансов Н.Х. Бунге сделал заключение о том, что не встречает препятствий «к воспрещению нехристианам, в установленном порядке, продажи упомянутых предметов» [2, л. 74]. После чего законопроект был одобрен Государственным Советом и 20 апреля 1882 г. утвержден Александром III. Лицам нехристианских вероучений воспрещалось «производить публичную торговлю иконами, крестами и тому подобными предметами чествования христиан» [3].

Уже через год после принятия этого закона¹ Обер-Прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев выступил с инициативой распространения запрета для лиц нехристианских вероисповеданий и на производство предметов чествования христиан, полагая, что «торговля и производство, составляя только различные виды промышленной деятельности, в отношении сих предметов должны иметь одинаковую оценку при разрешении вопроса об уместности или неуместности их в руках нехристиан, и что посему воспрещение одного из этих видов промышленности неизбежно требует воспрещения и другого...» [2, л. 78 об. – 79].

¹ Здесь и далее под законами, принятыми до 23 апреля 1906 г., когда вступила в силу новая редакция Основных Государственных Законов, автор понимает Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета [4, с. 21–28.]

В результате Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 15 января 1885 г. дополнение к ст. 107 Устава о предупреждении и пресечении преступлений [5] было заменено следующим правилом: «Лицам нехристианских вероучений воспрещается писание икон, изготовление крестов и других подобных сему предметов чествования христиан, равно как всякая вообще торговля всеми означенными предметами» [6, с. 13]. За нарушение этих запретов, в дополнение Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, закон постановил, что указанные лица «сверх отобрания всех найденных у них предметов означенного рода, подвергаются денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей» [6, с. 13–14].

На практике действие этого закона уже в 1885 г. было распространено и на производство церковных восковых свечей. Так, 20 августа 1885 г. Обер-Прокурором Святейшего Синода был сделан запрос в Министерство Финансов по возбужденному Преосвященным Орловским вопросу: имеет ли право содержатель свечного завода в г. Ельце еврей Марк Канн выделывать церковные восковые свечи и производить торговлю ими, и какого качества должны быть эти свечи. Обер-Прокурор Святейшего Синода полагал, что целью закона 1885 г. является «устранение того прискорбного чувства, которое не может не испытывать христианин, видя вещи, составляющие предмет его чествования, обращающимися в выделке или продаже у лиц, для коих они служат предметом глумления и кощунства. Но такое же прискорбное чувство испытывается христианином и при виде продажи или выделки лицами нехристианского вероисповедания и вещей, имеющих в его глазах значение предметов священных и по их употреблению в богослужбной и церковной практике. К числу таких предметов принадлежат и церковные восковые свечи, так как они, будучи возжигаемы пред Св. Иконами при совершении православного богослужения, предназначены служить и для освящения храмов, и для выражения чувств благоговения и любви молящихся к Богу и святым, отличаясь от других свечей, употребляемых в житейском быту, и по внешней форме, и по материалу, из которого выделяются» [2, л. 84 об. – 85]. На этом основании, полагал Обер-Прокурор, восковые свечи относятся к числу предметов, запрещенных к производству и продаже лицам нехристианских вероисповеданий законом 1885 г. Управляющий Министерством Финансов Сенатор П. Николаев разделил эту позицию в своем отзыве от 3 сентября 1885 г. [2, л. 87 – 87 об.].

Однако на местах, ссылаясь на закон 1885 г., начали предприниматься попытки вообще закрыть свечные производства, находившиеся в руках евреев. Показательным в этом отношении стало «дело еврея Ямайкера».

Ямайкер, Митавский гражданин, пользующийся как ремесленник видом на жительство в г. Орле, в 1886 г. был обвинен органами торгового надзора в выделке и продаже поддельных церковных свечей из церезина с примесью пчелиного воска. Правда, конфисковать эти свечи торговым представителям тогда не удалось, так как дела подобного рода по правилам Устава Уголовного Судопроизводства не подлежали ведению торговой депутации и Казенной Палаты, а находились в компетенции местной полиции. Полиция же установила, что Ямайкер содержит заведение для выделки церезиновых свечей, «используемых в еврейских молельнях и для домашнего употребления», что и было обозначено на его вывеске, тогда как

церковными признаются только свечи из чистого пчелиного воска. При этом стало известно, что церковные старосты заведомо покупали его свечи по сниженным ценам для сбыта в виде церковных свечей.

Обер-Прокурор Святейшего Синода обратился в Министерство Внутренних Дел с просьбой о содействии к закрытию ремесленного свечного производства Ямайкера. В его отношении от 27 марта 1887 г., в частности, указывалось: «Усматривая из многочисленных донесений епархиального и гражданского начальства, церковных старост и частных лиц, что выделка поддельных церковных свечей из разных суррогатов и торговля ими с каждым годом все более и более увеличивается, так что во многих церквах продажа настоящих церковных свечей почти совсем прекратилась; что употребление в церквах поддельных церковных свечей, действуя вредно на здоровье молящихся в храмах и причиняя порчу церковной живописи, облачениям и вообще убранству церквей, вместе с тем лишает церкви искони принадлежащего им самого существенного и почти единственного источника средств для содержания как самых церквей, так и духовно-учебных заведений, <...> и что в принятии ныне же мер к прекращению выделки церковных свечей из разных суррогатов воска и заведомой продажи таковых свечей для церковного употребления под вымышленным предлогом – домашнего будто бы употребления их – настоят неотложная надобность, я <...> имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь <...> не отказать в Вашем распоряжении о закрытии свечного завода еврея Ямайкера в гор. Орле...» [7, л. 17–17 об.].

Но неоднозначность и во многом надуманность «дела» вызвала затруднения даже в МВД, что потребовало выяснение мнения Министерства Финансов. На запрос МВД был подготовлен отзыв от 7 июня 1889 г. № 6631 за подписью Министра Финансов И. Вышнеградского, в котором значилось следующее: «При таковых обстоятельствах настоящего дела, я с своей стороны, при всем искреннем моем желании придти на помощь правильной торговле церковными восковыми свечами, испытывающей серьезные затруднения вследствие обращения в продажу под видом церковных свеч, изготовленных из церезина, не усматриваю однако возможности к преследованию лиц, занимающихся сбытом означенных свеч впредь до пересмотра в установленном порядке существующих правил о производстве церковных свеч и торговле оными. В виду сего представлялось бы, по моему мнению, желательным, чтобы вновь проектированные по сему предмету и бывшие уже на рассмотрении Мва Внутренних Дел и Фсов правила, на основании коих свечи, изготовленные в форме церковных не из чистого пчелиного воска (из церезина и др. материалов) признаются церковными и виновные в изготовлении и продаже таких свеч лица подлежат ответственности, получили скорейшее осуществление, при чем не могу вновь не указать, что собственно в интересах большего ограждения правильной торговли церковными свечами, было бы существенно необходимым установить для этого рода свеч какой-либо отличительный признак, напр. окрашивание светильни...» [7, л. 42 об. – 43].

Таким образом, для разрешения подобных дел в угодном Святейшему Синоду русле необходимы были дополнительные законодательные нормы, обсуждение которых и велось параллельно по инициативе Святейшего Синода в МВД и Министерстве

Финансов. Результатом этой работы стало Высочайше утвержденное 14 мая 1890 г. мнение Государственного Совета «О приготовлении и продаже церковных свеч», регламентировавшее производство и оптовую продажу церковных свечей, а также подтвердившее церковную монополию на торговлю церковными свечами в розницу [8; 9].

Решение этого вопроса имело некоторую предысторию. Попытка даровать Церкви исключительное право продажи восковых церковных свечей была впервые предпринята еще Петром I в Указе, объявленном от Святейшего Синода 28 февраля 1721 г. Но она не увенчалась успехом, и к началу XIX в. такой торговлей занимались также купцы, мещане и крестьяне. В результате, с одной стороны, цены на церковные свечи оказывались явно завышенными, поскольку, прежде чем дойти от производителя к потребителю, они порой проделывали длинный путь через многие руки оптовиков и мелочных торговцев. С другой стороны, свобода розничной торговли свечами лишала немалых доходов Церковь. Поэтому в 1808 г. был подготовлен доклад Комиссии Духовных Училищ «О присвоении церквам исключительного права продажи церковных свеч», который 28 августа 1808 г. получил Высочайшее утверждение [10]. В соответствии с этим актом «гуртовая» (оптовая) продажа церковных свечей весом не менее 20 фунтов могла производиться только при церквах, но лишь для снабжения свечами других церквей; с фабрик; в специализированных лавках, где торгуют только воском и восковыми свечами, а также на городских и сельских ярмарках. Продажа же церковных свечей в розницу и счетом могла производиться не иначе, как при церквах и исключительно в пользу церкви.

Дальнейшие изменения в этой сфере произошли в 1890 году. 14 мая 1890 г. в изменение и дополнение действующих норм Высочайшее утверждение получило мнение Государственного Совета «О приготовлении и продаже церковных свеч», которое регламентировало также производство и оптовую продажу церковных свечей: «1. Церковные свечи должны быть приготовляемы из чистаго пчелинаго воска. Примечание. Описание внешних признаков церковных свеч составляет в духовном ведомстве, по соглашению с Министром Финансов, и представляется Обер-Прокурором Святейшаго Синода Правительствующему Сенату, для опубликования во всеобщее сведение. 2. Выпуск с заводов и оптовая продажа церковных свеч должны быть производимы не иначе, как в цельных запечатанных пачках, весом не менее двадцати фунтов в каждой пачке, с этикетом завода, на котором они приготовлены, и с обозначением на обертке «церковныя восковыя свечи». 3. Розничная торговля церковными свечами никому, кроме церквей и состоящих в ведении духовного начальства свечных складов и лавок, не дозволяется. 4. Свечи не из чистаго пчелинаго воска не могут быть приготовляемы для церковнаго употребления. При выделке таких свеч для домашняго употребления, числом более восьми штук на один фунт, оне должны отличаться от церковных свеч по внешнему виду и цвету светильни...» [8; 9].

Нарушение правил производства церковных свечей, предусмотренных ст. 4, влекло за собой ответственность в виде денежного взыскания в пользу духовного ведомства в размере до трехсот рублей и конфискации этих свечей; а нарушение правил ст. 2 о выпуске с заводов и оптовой продаже церковных свечей – денежное взыскание не свыше ста рублей. Производство розничной торговли церковными свечами лицами, не имеющими на то права, влекло за собой денежное взыскание

в пользу духовного ведомства в размере до ста рублей и конфискацию всех найденных у этих лиц церковных свечей, которые передавались в распоряжение епархиального начальства [8, ст. 5–7].

Трудности реализации этого закона были вызваны тем, что Примечание к ст. 1 имело отсылочный характер, однако описание внешних признаков церковных свечей не было утверждено ни одновременно с принятием закона, ни спустя два года. Поэтому Министерство Внутренних Дел было вынуждено неоднократно рассылать на места Циркуляры с предложением отсрочить возбуждение преследования за нарушение установленных ст. 2 закона от 14 мая 1890 г. правил о способе упаковки выпускаемых с заводов и предназначаемых для оптовой продажи церковных свечей. Такие Циркуляры последовали 24 августа 1890 г. с отсрочкой возбуждения преследования до 1 января 1891 г., а затем 27 января 1891 г. – «впредь до республикования, в установленном порядке, описания внешних признаков церковных свеч» [11]. 27 мая 1891 г. был принят закон «О порядке производства дел по нарушениям правил о приготовлении, хранении и продаже церковных восковых свеч», возложивший возбуждение таких дел на обязанность полиции [12].

Что же касается «злополучного» свечного производства Ямайкера, деятельность которого в какой-то степени послужила поводом к вышеизложенным законодательным ограничениям, то о его судьбе известно немного. 17 августа 1892 г. Хозяйственным Департаментом МВД был сделан новый запрос № 6616 о распоряжениях в адрес МВД со стороны Министерства Финансов по вопросу «закрытия содержимого в г. Орле евреем Ямайкером завода для изготовления церковных свечей из церезина» [7, л. 44]. В отзыве № 11944, подготовленном 21 октября 1892 г. Департаментом Торговли и Мануфактур, вновь указывалось на необходимость установления для церковных свечей особых отличительных признаков и сообщалось, что для этого при Министерстве Финансов по соглашению с Обер-Прокурором Святейшего Синода было учреждено особое совещание, которое подготовило соответствующий проект «описания внешних признаков церковных свеч, каковое <...> в непродолжительном времени будет утверждено и опубликовано в установленном порядке» [7, л. 45–45 об.]. Обнародование описания внешних признаков церковных свечей последовало лишь в конце 1892 г. [13].

Как видно, вопрос о закрытии свечного производства Ямайкера не был снят с повестки дня даже несмотря на то, что закон 1890 г. в качестве максимального наказания за нарушение его положений предусматривал только денежное взыскание в пользу духовного ведомства в размере до трехсот рублей и конфискацию таких свечей.

Внешние признаки церковных свечей, обнародованные 4 декабря 1892 г., состояли в следующем: «1. Длина церковной свечи превышает не менее шести раз ее толщину по окружности, причем указанное отношение длины к толщине не распространяется на свечи, имеющие особое богослужебное значение и в домашнем быту не употребляемые, как напр. наlepки и свечи пасхальные; 2. церковная свеча в отличие от свечи для домашнего употребления имеет белую светильню с красной ниткой; 3. как свечи, имеющие оба вышеизложенные признака в совокупности, так и свечи только с одним которым либо из этих признаков должны быть признаваемы свечами церковными» [13; 14].

Одновременно с проектом правил о производстве и продаже церковных свечей Святейший Синод выработал Инструкцию церковным старостам, § 23 которой возлагал на старост церквей тех епархий, где имеются епархиальные свечные склады для снабжения церквей восковыми свечами, ладаном и деревянным маслом, «непременную обязанность» приобретать их для церквей только из этих складов, «а равно и продавать огарки только в эти склады». Эта инструкция была утверждена Александром III 12 июня 1890 г. [15].

Тем самым фактически в России были созданы условия для утверждения церковной монополии как на продажу, так и на производство церковных восковых свечей. Об этом свидетельствует и тот факт, что через двадцать лет, прошедших после издания закона от 14 мая 1890 г. и Инструкции церковным старостам от 12 июня 1890 г., частные заводы для выработки восковых свечей в большинстве своем оказались разрушены и закрыты, а оставшиеся, числом не более десяти, владели жалкое существование [16].

Таким образом, следует констатировать, что особое влияние Церкви в православном государстве, каковым на рубеже XIX–XX веков являлась Российская империя, обусловило принятие законов, ограждавших конфессиональные интересы в сфере торговли и в целом предпринимательства. При этом проблема оскорбления «религиозных чувств» верующих на рубеже XIX–XX веков, в эпоху всесторонней модернизации, была тесно связана и с экономическими интересами тех или иных сообществ. Сами верующие в силу субъективности понятия «оскорбления чувств» не всегда были осведомлены о том, что в каком-то конкретном случае их религиозные чувства подвергаются серьезному вторжению извне. Вмешательство же государства в эти тонкие материи зачастую осложняло конфликт, делало его предметом пристального внимания и обсуждения.

Законы, принятые российским правительством в угоду клерикалам, из-за своей неопределенности в формулировках (в том числе и отсутствия исчерпывающего перечня предметов, прямо запрещенных нехристианам к производству и торговле) порой давали почву для расширительного толкования на местах, а иногда и для откровенного произвола. А это, в свою очередь, приводило к обострению межконфессиональных претензий и, как следствие, общественных противоречий в целом.

Литература

1. Жолобова Г.А. Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX – начале XX века / Г.А. Жолобова // Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение». – 2004. – № 2. – С. 189–203.
2. Российский государственный исторический архив. – Ф. 20 : Департамент Торговли и Мануфактур Министерства Финансов. – Оп. 4. – Д. 3288.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О воспрещении лицам нехристианских вероучений производить торговлю предметами чествования христиан» № 811 Апреля 20 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 48 т. / сост. М.М. Сперанский. – СПб. : Государственная типография, 1886– . – Т. 2 : 1882 г. – 1886. – Ст. 166.
4. Жолобова Г.А. Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России 1881–1913 годов / Г.А. Жолобова. – М. : Издательская группа «Юрист», 2007. – 320 с.
5. Свод Законов Российской Империи : в 16 т. – Кн. 3. – СПб. : Государственная типография, 1912– . – Т. XIV : Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – 1912. – 406 с.

6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О воспрещении нехристианам изготовлять предметы чествования христиан и торговать оными» № 2667. Января 15 1885 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 48 т. / сост. М.М. Сперанский. – СПб. : Государственная типография, 1887– . – Т. 5 : 1885 г. – 1887. – С. 13–14.

7. Российский государственный исторический архив. – Ф. 20. – Оп. 6. – Д. 255.

8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О приготовлении и продаже церковных свеч» № 6828. Мая 14 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 48 т. / сост. М.М. Сперанский. – СПб. : Государственная типография, 1893– . – Т. 10 : 1890 г. – 1893. – Т. 10. – С. 373.

9. Свод Законов Российской Империи : в 16 т. – СПб. : Государственная типография, 1893– . – Т. 11. – Ч. 2 : Устав о промышленности (Изд. 1893 г.), Примечания 1 к ст. 258. – 1983. – С. 1228.

10. Высочайше утвержденный доклад Комиссии Духовных Училищ «О присвоении церквям исключительного права продажи церковных свеч» № 23254. Августа 28 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 50 т. / сост. под рук. М.М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830– . – Т. 30 : 1808–1809 гг. – С. 552–554.

11. Государственный архив Оренбургской области. – Ф. 11 : Оренбургское губернское правление. – Оп. 2. – Д. 3230. – Л. 4.

12. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке производства дел по нарушениям правил о приготовлении, хранении и продаже церковных восковых свеч» № 7748. Мая 27 1891 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 48 т. / сост. М.М. Сперанский. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830– . – Т. 11 : 1740–1741 гг. – 1830. – С. 306–307.

13. Собрание узаконений и распоряжений Правительства / изд. при правительствующем Сенате. – СПб., 1892. – № 138. – Ст. 1229.

14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 20. – Оп. 5. – Д. 93. – Л. 465 об.

15. Высочайше утвержденная Инструкция церковным старостам. Именной Высочайший указ даный Святейшему Синоду № 6923. Июня 12 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 48 т. / сост. М.М. Сперанский. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830– . – Т. 10 : 1890 г. – 1893. – С. 465–470.

16. Российский государственный исторический архив. – Ф. 23 : Министерство Торговли и Промышленности. – Оп. 7. – Д. 614. – Л. 184 об.

Аннотація

Жолобова Г. А. К вопросу о защите религиозных чувств христиан в правовом регулировании торговли в Российской империи на рубеже XIX–XX веков. – Статья.

Изучение архивных документов и анализ нормативно-правовых актов Российской империи рубежа XIX–XX веков позволили автору выявить специфику отечественного механизма правового регулирования торговли предметами чествования христиан, призванного обеспечить защиту их религиозных чувств в православном государстве. В статье показано, что сама проблема «оскорбления религиозных чувств» верующих при высокой степени ее субъективизма на рубеже XIX – XX веков, в эпоху всесторонней модернизации, во многом была связана и с экономическими интересами тех или иных сообществ.

Ключевые слова: закон, торговля, предметы чествования христиан, церковные свечи, запрет, ответственность.

Анотація

Жолобова Г. О. До питання про захист релігійних почуттів християн в правовому регулюванні торгівлі в Російській імперії на рубежі XIX–XX століть. – Стаття.

Вивчення архівних документів та аналіз нормативно-правових актів Російської імперії рубежу XIX–XX століть дозволили автору виявити специфіку вітчизняного механізму правового регулювання торгівлі предметами вшанування християн, покликаного забезпечити захист їхніх релігійних почуттів у православній державі. У статті показано, що сама проблема «образи релігійних почуттів» віруючих за високого ступеня її суб'єктивізму на рубежі XIX–XX століть, в епоху всебічної модернізації, багато в чому була пов'язана також з економічними інтересами тих чи інших спільнот.

Ключові слова: закон, торгівля, предмети вшанування християн, церковні свічки, заборона, відповідальність.

Summary

Zholobova G. A. On the issue of protection of Christian religious beliefs in legal regulation of trade in the Russian Empire at the turn of XIX–XX centuries. – Article.

Having studied the archival records and analysed the normative acts of the Russian Empire, the author has revealed the specific character of legal regulation mechanism of trade of religious items to honour Christians which must protect their religious beliefs in orthodox state. The author emphasizes that the problem of insulting religious beliefs at the turn of XIX–XX centuries is closely connected with economic interests of different communities.

Key words: law, trade, items of honouring Christians, church candles, ban, responsibility.

УДК 343.979:94(477)«195»

С. А. Саблук

ПРОТИДІЯ РОЗКРАДАННЮ СОЦІАЛІСТИЧНОЇ ВЛАСНОСТІ В УКРАЇНІ В ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ 1940-Х РОКІВ

Постановка проблеми. Кардинальна зміна економічних відносин та відносин власності після встановлення радянської влади в Україні з підвищенням рівня етатизації суспільства та ліквідацією приватної власності, стала однією з причин змін характеристик економічних злочинів. Поступово в радянському суспільстві все більших масштабів стало набувати розкрадання соціалістичної власності: примусовість колективізації, одержавлення та нехтування приватновласницькими інтересами громадян із боку владних структур не змінили суті мотивації вчинків, пов'язаної з прагненням до володіння, користування та розпорядження власністю (особистою, індивідуальною). Поширення випадків розкрадання соціалістичної власності, у тому числі й у складі організованих груп із залученням керівних працівників різного рівня, зумовило утворення спеціальних органів, чия діяльність спрямовувалася на протидію скоєнню цього виду злочинів.

Першим спеціалізованим підрозділом у системі органів внутрішніх справ, що став вести цілеспрямовану боротьбу з корисливими злочинами економічної спрямованості, була саме служба боротьби з розкраданням соціалістичної власності, створена наказом Народного комісаріату внутрішніх справ СРСР від 16 березня 1937 року № 00118. Цим наказом було затверджено й «Положення про відділ по боротьбі з розкраданням соціалістичної власності та спекуляцією». Згідно з зазначеним положенням служба була створена для боротьби з розкраданням соціалістичної власності в організаціях та установах держторгівлі, споживчої та інвалідної кооперації, заготівельних організаціях й ощадкасах, а також для боротьби зі спекуляцією. На цей відділ поклалися такі основні обов'язки: керівництво роботою республіканських, крайових, обласних управлінь по боротьбі з розкраданнями соціалістичної власності й дрібним шкідництвом у торгових, кооперативних, заготівельних організаціях, ощадкасах, боротьбі зі спекуляцією та фальшивомонетниками. З кінця 1943 року, з відновленням радянської влади на території України, було поновлено роботу всіх підрозділів міліції і, відповідно, протидії розкраданню соціалістичної власності.